

*Друзьям,
которые вдохновляли, поддерживали
и оставались рядом.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. 1938	6
Глава 1. Исабель. 1939	12
Глава 2. Лабиринт.....	30
Глава 3. Башня Воды	67
Глава 4. Дар.....	97
Глава 5. Адриано	124
Глава 6. Поединок.....	152
Глава 7. Черный человек.....	189
Глава 8. Загадки ноября.....	230
Глава 9. Яд Бранвен	265
Глава 10. Перелом зимы.....	298
Глава 11. Экзамен.....	349
Глава 12. Русалочий принц	397
Глава 13. Буря и пламя.....	446
Глава 14. Подземные течения	499
Глава 15. Голландец	533
Эпилог.....	563

Пролог

1938

Парад был безупречным, в пору залюбоваться даже избалованному глазу. Гордо развевались на мартовском ветру черно-алые знамена, высоко неся хищно вцепившихся в древки могучих бронзовых орлов, чеканный шаг ни на мгновение не нарушался, и как один были молоды и веселы солдаты. И неудивительно, что хоть они и старались сделать лица подобающе суровыми и бесстрастными, глаза их блестели пуще начищенных шлемов, а поджатые губы еле скрывали улыбки. Это был час торжества, и более того — победа не стоила им ни капли крови.

Другое дело, что за то, чтобы эти веселые молодые парни сейчас шагали по улицам одного из прекраснейших городов Европы под разудалые марши своей родины, неизменные со времен ландскнехтов, заплатили другие, и немало. Собственно, Эрнст сам был одним из тех, кто здорово потруился ради этой победы. Но сейчас, смотря на парад с балкона, слушая грохот звонкого солдатского шага и любясь плывущими знаменами, он об этом несколько не сожалел.

Его собеседник, маркграф, был явно иного мнения. То и дело вытирая вышитым платком потеющий лоб, он смотрел на бесконечную ленту марширующих солдат с бессильным унынием, будто перед ним описывали его имущество или уводили в рабство дочь за долги. Впрочем, это-то было недалеко от истины.

Разухабистая песня о прекрасной девушке Лоре, гремевшая в ту минуту на все окрестные улицы, совершенно заглушила звук шагов у них за спиной. Эрнст, правда, успел, так как привычка не позволила ему отмахнуться от прошедшего по спине холодка, а вот маркграф, не отрывавший печальных, как у бездомной собаки, глаз от марширующего строя, не шевельнулся, даже когда Эрнст уже низко склонился перед истинным хозяином торжества.

— Прекрасный день, господа. Эрнст, друг мой, право...

Поразительно, как голос его господина, низкий и мягкий, все же был четко слышен — будто оркестр специально примолк, а солдаты стали ступать тише кошек. Но нет, конечно, стоило подпрыгнувшему от неожиданности маркграфу начать бормотать извинения, сразу же стало ясно, что этой магией владел только Магистр.

Извинения он прервал, едва шевельнув рукой.

— Начнем с дела, — только и сказал он, бесстрастно и вроде бы чуть суховаато.

— Конечно-конечно...

Засуетившийся маркграф рванулся назад в полумрак комнаты, обернулся, будто ожидая, что они пойдут следом, но Магистр уже не смотрел на него, одаривая безраздельным вниманием гордый строй внизу.

— Вот и начинается, Эрнст, — проговорил он, опершись о кованую решетку балкона, и опять Эрнсту не пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его даже сквозь яростный бой барабанов и гром звенящих шагов. — Благодарю вас. Вы прекрасно поработали.

Эрнст решил, что неплохо было бы еще чуть поклониться в ответ на похвалу.

— Мой повелитель, что теперь?

Его господин обратил на него ласковый взгляд угольных глаз.

— Жаждете новых задач, старина?

Эрнст счел за лучшее промолчать. Благо, вниманием господина он владел недолго. Внизу на площади солдаты выстроились в каре и уже громовыми криками приветствовали невысокого человека, занявшего трибуну. Взгляд Магистра, на мгновение остановившийся на ораторе, стал ироничным.

— Хоть сейчас помолчат, — пробурчали хрипло из-за спины.

Эрнст покосился в сторону голоса. Да, так и есть, у входа на балкон, прислонившись худым плечом к косяку и будто сторонясь солнечного света, стоял неизменный спутник всех дорог Магистра — спокойный и безразличный, как всегда. В эту же минуту вернулся маркграф и при виде этого добавления к их компании вздрогнул, отшатнулся и застыл, растерянно переводя взгляд с одного на другого и бессильно опустив руку, сжимавшую в слабых пальцах шар из потемневшего от времени серебра, инкрустированного грубо обработанными камнями.

Снизу с площади, яростно жестикулируя, самозабвенно орал давешний невысокий человек. Почему-то Эрнсту подумалось, что эту деталь этого утра он запомнит особо.

— Ну что же вы, — негромко подсказал Магистр.

Дурной знак — чем более не в духе был он, тем тише становился его голос. Смертные приговоры он и вовсе озвучивал свистящим шепотом, змея позавидует.

Маркграф вздрогнул всем телом и — нет, не опустился: рухнул на колени, протягивая шар на вытянутых руках.

— Мой повелитель, прими этот дар как знак покорности и верной службы...

С неба дохнуло, будто могучим порывом ветра, тягостным предвестником бури и молний. Но воздух остал-

ся недвижим, только по голубой тихой реке прошла рябь, будто дрожь, и глухим гулом, будто ворчанием невиданного зверя, отозвалась земля. Внизу — Эрнст глянул — солдаты остались неподвижны, оратор и подавно не сбавил темпа своей пламенной речи. Они не чувствовали ничего, а он еле сдержал желание вжать голову в плечи.

Маркграф съежился, зажмурился даже, но не запнулся, не умолк:

— ...моей, потомков моих и моего народа, пока жива наша земля и пока на то твоя воля...

Тишина вокруг стала нестерпимой, давящей. Казалось, еще немного, и будет не вздохнуть.

— И прими в знак клятвы артефакт, хранящий землю Восточной марки, — державу Рудольфа!

С отчаянием обреченного маркграф поднял шар над головой, и тонкие, затянутые в черную кожу пальцы Магистра схватили его и сжали. Эрнсту, хорошо знакомому с их нервной силой, подумалось: не раздавил бы.

— Я принимаю твою клятву, службу твоего народа и твою землю в свое вечное владение, — гулко, как колокол, отозвался низкий голос Магистра.

И тут же будто от этого шара, сжатого властной рукой, разошелся невидимый глазу прилив — волна незримой, но неодолимой мощи окатила их всех, и воздух вновь покорно стал свежим, легким и весенним, успокоилась окованная камнем река, прояснилось небо. Стоявшие внизу люди и вовсе не дрогнули. Хотя и действительно, что им, глухим и слепым без Дара, до истинной силы и власти?

Маркграф осел на пол, не в силах или не желая подниматься, только уронил голову на грудь, будто мигом обессилев.

— Вы свободны, — произнес Магистр.

Тут же (откуда только взялись и силы, и желание!) грузный человек на полу вскочил, нижайше поклонился и умчался прочь. Их господин проводил его взглядом

и беззвучно рассмеялся, подбросив тяжелый серебряный шар вверх и лихо прокрутив его на пальце, как дворový мальчишка. А потом не глядя бросил его в сторону, и так же не глядя, не отклеиваясь от косяка, сутулый седой человек поймал его.

— Неплохая штука, — оценил он, постукав по ней пальцем. Эрнсту подумалось, что и на зуб попробует, так, на всякий случай. — Теперь что?

Магистр широко улыбнулся, и у Эрнста вовсе от сердца отлегло: похоже, все-таки доволен. Значит, можно подать голос.

— Моравия? Или вы хотите уже на запад?

Магистр стремительно повернулся к нему, будто только вспомнил о его присутствии и пока еще не определился, несет ли он угрозу. Мерзкая привычка; Эрнсту понадобилось семьдесят лет, чтобы научиться не отшатываться, когда он так делал. Магистра же это, похоже, забавляло — когда не раздражало. Впрочем, сегодня его реакции можно было не бояться.

«Черт тебя подери, — подумал Эрнст. — Я кавалеристов Мюрата встречал, не дрогнув, я и перед смертью не хныкал — а тебя...»

— Можно и на запад, — покладисто ответил Магистр. — Почему бы нет. Академия Трамонтана, пророчество... Не пора ли нам собирать камни, Менги?

Седой хмыкнул, блеснув синими глазами.

— Ваша воля, мессир.

— Какое пророчество? — рискнул поинтересоваться Эрнст.

— Хотя, — не слушая, хотя наверняка слыша, продолжил их господин, — лучше бы сначала разобраться с артефактом Иберии.

Эрнст не выдержал — выпучил глаза.

— Но Иберия покорна вам, повелитель! Я сегодня утром получил весть — они снова умоляют вас прибыть лично...

Глаза Магистра, черные, бездонные, резко сузились. Мягко-мягко, как крадущийся тигр, он шагнул к Эрнсту, вглядываясь в него, сквозь него, в самую душу — или в даль за Пиренеями, кому знать...

— Ну что ж, — сказал он, — пожалуй, этой чести они дождутся. А пока почему бы не насладиться днем нашей победы, друзья мои?

Будто дожидаясь этого момента, вилланские солдаты внизу вскинули руки в едином порыве, и, заглушая память о громе барабанов и яростном гневе небес, снизу полетело весело и грозно:

— Хайль! Хайль! Хайль!

Глава 1

Исабель
1939

Еще до того, как на двери бесследно истлели сияющие милориевые росчерки символа Академии Трамонтана, шагнувшая в проем Исабель решила, что это самое неожиданное место из всех, что ей когда-либо доводилось видеть. Конечно, сказать, что она не знала, чего ждать, было бы неправдой. Но те в ее семье, кто был готов рассказывать об Академии, не вдавались в подробные описания архитектурных тонкостей, поэтому она так часто сама представляла себе это место, стараясь вообразить все в мельчайших деталях, что порой ей казалось, что она там уже бывала.

И потом, в ее воображении все было логично. Раз Академия скрывалась в горном ущелье в Пиренеях, это должен быть замок. Да, огромный замок, грозный и могучий часовой с толстыми стенами и узкими бойницами. Таковыми были самые древние из замков ее рода, построенные в годы давних войн, и она, начитавшаяся рыцарских романов (других в ее доме не водилось), невольно воображала Трамонтану их сверстницей.

Поэтому атриум, куда вела распахнувшаяся перед ними дверь, ее разочаровал. Это был просторный зал под каменными сводами, но на этом сходство с ее предвкушениями и заканчивалось. Своды были высокими, окна стрельчатыми и огромными, за стеклами светлых витражей виднелось буйство красок ранней осени, а багряные и золотые деревья казались нарисованной частью этих витражей. И все это было причудливо изукрашено со всем прихотливым искусством готики: из каменных лилий выглядывали озорные саламандры, в капителях колонн резвились сиффы, а на кресте, оказавшемся прямо перед носом Исабель, сидела, свесив хвост, ундина. Лилии и кресты повторялись в узорах всюду, и всюду были самые разные твари, и все они, казалось, смеялись над Исабель и ее надеждами. Она невольно поджала губы.

На этом отличия зала от ее ожиданий не заканчивались. Окажись она здесь одна, не зная что к чему, решила бы, что это зал какого-нибудь давно брошенного дворца: часть стен оплетал плющ, а посередине зал пересекал крохотный ручей, извиваясь между плитками, больше напоминавшими мостовую, чем нормальный пол. Исабель едва не споткнулась о древесный корень и окончательно перестала что-либо одобрять и понимать. Между окнами в каменных проемах (тут плющ все-таки догадались расчистить) то и дело вспыхивали пока неизвестные ей символы и гербы, распахивались двери, на мгновение приоткрывая то беспечально согретые солнечным теплом дворцы юга, то уже готовившиеся к долгому снежному игу города севера. Через эти порталы в атриум входили все новые и новые люди, и только это и доказывало Исабель, что они не заблудились, а оказались именно там, где и должны.

Нет, конечно, ее дед не заблудился бы (одна эта мысль была абсурдной), но и то, что приемный покой Академии, где только лучшие из лучших, рожденных с даром ее народа, могли надеяться учиться, выглядит вот так... фривольно,

было тоже на грани абсурда, а то, пожалуй, и за ней. Новоприбывшие оглядывались, одни — словно зачарованные волшебством, которое видели впервые, другие — улыбаясь атриуму, как старому другу, после чего осматривались уже более прицельно: искали родных и знакомых, обнимались, кланялись, расцеловывались — то по-дружески, то склоняясь формально или с фамильярным кокетством над дамскими запястьями. Всюду царил негромкий гул разговоров, обмена новостями и сплетнями, и в этот гул вплеталось, будто нежные голоса флейт в сумбурный оркестр, пение невидимых птиц.

Даже на редких приемах в доме деда Исабель не видела столько людей сразу и никогда — такого количества своих сверстников. Учитывая, что они прибыли не первыми, но и далеко не последними, потому что люди все продолжали прибывать, соискателей, стремящихся пройти Испытание и стать учениками Академии Трамонтана, в этом году будет много. Взрослые не спешили одергивать удивленных и замороженных подростков, прибывших сюда впервые, и лишь следили, чтобы они оставались рядом и не проявляли дурных манер.

Исабель держалась ровно на полшага позади деда — крохотное расстояние, подобающее случаю. Глава семьи был крайне требователен в подобных вещах, и она постоянно сверялась с внутренним списком того, как должно: дистанция, интонации, выражение лица. Наконец он остановился, и она украдкой на него глянула. Здесь, среди множества людей, большинства из которых не коснулась еще седина, дон Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба, казался глубоким стариком. Его смуглое остросулое лицо, будто вырезанное из темного дерева, иссекали морщины, у сурово поджатых губ, между сведенными бровями они были особенно резки. Аккуратная эспаньолка и коротко стриженные волосы уже наполовину обратились в старческое серебро, но порывистость хищной птицы, в мгновение

переходящей от покоя к броску, и зоркость черных глаз, полускрытых под пергаментно-тонкими веками, как и неизменная военная выправка, сделали бы честь и юноше.

Она должна быть такой же безупречной, чтобы каждый, глядя на них, видел, что никто из ее рода не уронит достоинства и чести и уж точно не будет плялить глаза по сторонам, выдавая свои чувства. Но она... Исабель глянула на свои руки — так и есть, напряжение дало о себе знать: пальцы нервно сжаты до белизны в костяшках. Стараясь расслабиться, она сделала тихий глубокий вдох, но тут же раздраженно нахмурилась, осознав свою ошибку, ведь Ксандер, безмолвно стоявший у нее за спиной, конечно наверняка все заметил. Эти глаза цвета темного моря отмечали все, и особенно то, что касалось ее — так следят за бешеной собакой или ядовитой змеей. Она было вспыхнула злостью, но тут же поймала эту злость за хвост и успокоила прежде, чем к ладоням прилила первая волна губельного жара.

Другие ее ровесники, отметила она с некоторым удовлетворением, были ошеломлены и взволнованы не меньше, и держали себя в руках, пожалуй, и похуже: хоть не отставали от своих взрослых, отвешивая поклоны всем, кого те приветствовали, и то хорошо. Исабель снова посмотрела на полного достоинства деда, но успокоиться это не помогло. Как бы она ни следила за осанкой, плечи то и дело поднимались в неуютном защитном жесте, опускался подбородок, а распущенные волосы вместо того, чтобы, как в рыцарских романах, шелковой волной растекаться по спине, угрожали зацепиться за пышную отделку чьего-нибудь плаща. Дон Фернандо, вопреки ее опасениям, не сделал ей ни одного замечания, так что она тешила себя надеждой, что хоть и на ватных ногах, но шла ровно и даже почти величаво. Следовавший за ней Ксандер непроницаемо молчал, а ей, решила она, не подобало при всех

одаривать его вниманием, которое можно было бы считать благосклонным, и не бросила ни взгляда в его сторону — только иногда краем глаза выхватывала его золотисто-русую голову.

— Дон Фернандо, какая неожиданная радость! А это ваша очаровательная внучка?

Дед ответил на поклон и приветствие грузного, лысеющего человека, но сделал это сухо и даже холодно. В реверансе Исабель, конечно, ничего подобного быть не могло: этого человека она знала, он когда-то бывал у них в доме, хотя сейчас и делал вид, что не видел ее много лет и еле узнал.

С маркграфом Одоакром Бабенбергом, властителем Восточной марки, она могла быть только сугубо почтительна, как бы ни противно было ей прикосновение его влажной вялой ладони к ее щеке.

— Милое дитя! А вот мой Клаус.

Исабель ожидала увидеть копию маркграфа, но обманулась: возможно, когда-нибудь сын и станет похож на отца, но сейчас наследник Восточной марки выглядел хрупким и тихим, хотя по росту не уступал Ксандеру и казался рядом с ним несколько бесплотным. Глаза у него, когда он их поднял на Исабель, были огромны и испуганны.

— Вы, конечно, уже слышали новость, дон Фернандо, — доверительно наклонился толстый маркграф к ее деду, старательно не замечая стоявшего рядом Ксандера. — Говорят, фон Ауэрштедт уже в Праге...

— Не сейчас, — отрезал дед, а когда Одоакр торопливо покивал, добавил уже мягче: — Мы поговорим после, если вы не возражаете.

— Конечно-конечно... Мое почтение еще раз, дон Фернандо... сеньорита... Клаус!

Юный Бабенберг торопливо поклонился еще раз и ушел следом за отцом. Исабель задумчиво проводила его взглядом. Маркграф был суетлив и, раз дед его презирал,

еще и глуп, но пышное щегольское перо на его шляпе крепилось аграфом с гербом Академии. Значит, он тоже был выпускником. А вот ее, Исабель, отец, хлипкий чужак из галльской земли, которого она никогда не знала, — нет. Как и мать, донья Анхелика, которая не смогла пройти Лабиринт...

Она попробовала посчитать, сколько ее сверстников сейчас в этом зале, и сбилась довольно быстро, но решила, что никак не меньше сотни. Скольким улыбнется удача и, как итог, успешное прохождение Лабиринта, она не знала, но помнила, что очень-очень немногим. У ее деда помимо дочери было трое сыновей и один уже взрослый внук, и все четверо имели честь тут учиться — что, Исабель знала, было большой редкостью для любой, даже самой знаменитой и древней семьи.

Как будет с ней? Будет ли она когда-нибудь так же, как некоторые здесь, с небрежной гордостью носить знак выпускника? Или уже этим вечером она вернется в родовое гнездо без права когда-либо еще испытать свои силы?

Дон Фернандо не путешествовал по залу, как другие. Выбрав себе удобную позицию, он стоял, прямой и строгий, как аскетичные святые на церковных порталах, зорко наблюдая за окружающими из-под чуть опущенных, будто в высокомерном утомлении, век. Исабель попробовала последовать его примеру, но, должно быть, это требовало тренировки, потому что обзор ее стал невыносимо узким, так что девушка просто подняла подбородок и старалась не крутить головой. Она внучка первого из грандов Иберии, и суетиться и выпучивать глаза ей не пристало. Не вертеться было сложно, тем более что прибывавшие были очень разные и любопытные.

Из одной двери (заснеженные горы сверкнули в портале, словно засахаренными, белоснежными наверхиями) шагнула полноватая статная женщина и такой же высокий парень с объемной шапкой светлых кудрей, похожих на баранью шерсть, и добродуш-